

дуть ей всѣ руки. Потомъ она представляла себѣ, какъ онъ будетъ рекомендовать ее гостямъ: „Жена моя“... Мысленно она подписывала письма подругамъ фамилей: „Гранковская“, и находила, что это удивительно звучная и красивая фамилія. Поживъ въ деревнѣ, они переѣзжали въ городъ. Она дѣлала визиты съ мужемъ, сидѣла съ нимъ въ ложѣ, каталась съ нимъ по городу въ фазтонѣ, заѣзжала съ нимъ въ магазины...

Она встала, сѣла подлѣ Ѳедора Игнатьича и обняла его шею своими тонкими, гибкими руками. Ей хотѣлось поцѣловать его. Робко молчала она, смѣшавшись. Зато Ѳедоръ Игнатьичъ оеазался храбрѣе. Онъ крѣпко приникъ своими губами къ полураскрытымъ губкамъ жены. Но паровозъ прорѣзалъ ночное безмолвіе хриплымъ, точно простуженнымъ свистомъ. Тогда они испугались, словно кто заглянулъ въ окно и сказали: „А вы что тутъ дѣлаете?“ и отскочили другъ отъ друга.

Онъ разсмѣялся, она пересѣла на свой диванъ и старалась не смотрѣть на мужа. Поѣздъ сталъ идти медленнѣе. Вскорѣ онъ остановился. Мимо промчался другой поѣздъ; окна его мелькали одно за другимъ желтыми пятнами на темномъ фонѣ ночи, и въ каждомъ окнѣ виднѣлись силуэты людей. Ѳедоръ Игнатьичъ подумалъ: „Вѣдь вотъ какая масса народу. Никому нѣтъ дѣла до насъ, и намъ, въ свою очередь, нѣтъ никакого дѣла до нихъ. Проваливайте, господа, проваливайте! О, счастье—эгоизмъ!“

— Раиса,—началъ онъ, когда поѣздъ тронулся съ мѣста и тотъ, что встрѣтился, шумѣлъ уже гдѣ-то далеко: — я увѣренъ, что ты утомлена. Положительно, тебѣ надо лечь. Домой мы приѣдемъ только утромъ.

— Нѣтъ, Ѳедя, не безпокойся.

— Въ такомъ случаѣ, я подсяду къ тебѣ,—сказалъ онъ.— Помнишь, какъ мы познакомились съ тобой? Это было тоже въ вагонѣ. Откуда ты ѣхала тогда? Ахъ, да, съ гулянья!

— Нѣтъ, не съ гулянья, а мы были въ гостяхъ съ маман.

— Были въ гостяхъ съ маман... Вхожу въ вагонъ, и вдругъ вижу—не то еще дѣвочка, не то уже дѣвушка. Все на ней такъ мило, и сама она милочка съ чудесными глазками. Дай-ка, думаю, сяду поближе. Помнишь, какъ я сидѣлъ и смотрѣлъ на тебя? Вотъ такъ.

Она засмѣялась.

— Какое счастье, что у Варвары Тихоновны закружилась тогда голова, и ты стала кричать: „доктора, доктора!“ Сударыня, я докторъ—къ вашимъ услугамъ.

— Ахъ, Ѳедя!